

Письмо, найденное на утопленнике / рассказ

Category: Hekayalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Письмо, найденное на утопленнике / рассказ ПИСЬМО, НАЙДЕННОЕ НА УТОПЛЕННИКЕ

Вы спрашиваете, сударыня, не издеваюсь ли я над вами. Вы не верите, чтоб человек никогда не был сражен любовью. Так вот, я никогда не любил, никогда!

Отчего так? Не знаю. Никогда я не испытывал того особого сердечного опьянения, которое зовется любовью. Никогда не предавался я тем восторгам, тем грезам, тому безрассудству, в какие повергает нас образ женщины. Меня никогда не преследовало, не захватывало, не воспламеняло, не приводило в экстаз предвкушение или самое обладание существом, которое внезапно стало бы для меня желаннее всех радостей, прекраснее всех созданий, дороже всей вселенной.

Я никогда не плакал, никогда не страдал из-за женщины.

Я не проводил бессонных ночей в мечтах о любимой.

Мне незнакомы пробуждения, озаренные мыслью или воспоминанием о ней. Мне неведом безумный восторг надежды перед ее появлением и божественная печаль сожалений после того, как она исчезла, оставив в комнате легкий запах фиалок и своего тела.

Я никогда не любил.

Я не раз спрашивал себя, почему это так. И, право, сам не знаю. Впрочем, я нашел причины, но в них есть нечто от метафизики, и вы их, пожалуй, не поймете.

Я, кажется, слишком сурово отношусь к женщинам, чтобы поддаваться их очарованию. Прошу прощения за эти слова. Я объясню их. Во всяком существе есть начало духовное и начало физическое. Чтобы полюбить, мне нужно было бы встретить такую гармонию этих двух начал, какой я не находил никогда. Постоянно одно из них преобладает над другим: либо духовное, либо физическое.

Ум, которого мы вправе требовать от женщины, чтобы любить ее, не имеет ничего общего с мужским умом. Это и нечто большее и нечто меньшее. Надо, чтобы женщина обладала умом открытым, нежным, чувствительным, тонким, впечатлительным. Ей не нужна ни мощь, ни смелость мысли, но необходимо, чтобы она обладала добротой, изяществом, ласковостью, кокетством и тем даром приспособления, благодаря которому женщина в короткий срок уподобляется тому, с кем делит жизнь. Величайшим ее достоинством должен быть такт, то тонкое чутье, которое для ума есть то же, что осязание для тела. Оно открывает ей тысячу мелочей, извилины, выступы и формы в мире интеллекта.

У красивых женщин ум обычно не соответствует их внешности. Меня же малейшее нарушение гармонии сразу ранит и оскорбляет. Для дружбы оно не существенно. Дружба — это взаимное обязательство, учитывающее и недостатки и достоинства. Можно судить о друге или приятельнице, дорожить тем, что в них есть хорошего, пренебрегать дурным и точно определять их качества, всецело отдаваясь при этом чувству задушевной, глубокой и чарующей симпатии.

Чтобы любить, надо быть слепым, отдаваться полностью, ничего не видеть, ни о чем не рассуждать, ничего не понимать. Надо преклоняться перед недостатками так же, как и перед красотой, надо отрешиться от всякого суждения, от всякой проницательности, от всяких соображений.

Я неспособен на такое ослепление и восстаю против очарования, несогласного с разумом.

Это еще не все. У меня такое возвышенное и утонченное представление о гармонии, что никто никогда не воплотит мой идеал. Вы, пожалуй, сочтете меня сумасшедшим! Но послушайте меня! По-моему, женщина может обладать восхитительной душой и пленительным телом, которые, однако, не будут вполне соответствовать друг другу. Я хочу сказать, что люди с носом определенной формы должны и мыслить определенным образом. Толстые не имеют права употреблять те же слова и те же фразы, что худые. Вам, сударыня, с вашими голубыми глазами не пристало относиться к жизни, судить о вещах и событиях так, словно глаза у вас черные. Оттенок ваших глаз должен неминуемо

совпадать с оттенками вашей мысли. На этот счет у меня нюх ищейки. Смейтесь, если хотите. Это так.

И все же в течение часа, в течение одного дня мне верилось, будто я люблю. Я, как дурак, подвергся влиянию окружающей обстановки. Я поддался обольщению призрака зари. Хотите, я расскажу вам эту маленькую историю?

Как-то вечером я встретился с молодой хорошенькой восторженной особой, которая пожелала из поэтической прихоти провести со мною ночь на реке, в лодке. Я предпочел бы комнату и постель, однако согласился и на реку с лодкой.

Дело было в июне. Моя приятельница выбрала ночь лунную, чтобы сильнее вскружить себе голову.

Мы пообедали на постоялом дворе, у реки, и часов в десять сели в лодку. Я находил все приключение весьма нелепым, но спутница мне нравилась, и поэтому я не особенно злился. Я сел на скамейку, взялся за весла, и мы отплыли. Я не мог отрицать, что зрелище было очаровательное. Мы плыли вдоль острова, поросшего лесом, где было полно соловьев; течение быстро уносило нас по реке, подернутой серебристой рябью. Жабы издавали однообразные звонкие крики, лягушки надрывались в прибрежной траве, а движение струящейся воды окружало нас каким-то неясным шорохом, почти неуловимым, волнующим, и внушало смутное чувство таинственного страха.

Нежное обаяние теплой ночи и сверкающей под луною реки захватило нас. Хорошо было жить, и так вот плыть, и мечтать, и чувствовать возле себя молодую женщину, растроганную и красивую.

Я был немного взволнован, немного смущен, немного опьянен прозрачной ясностью вечера и мыслью о соседке.

— Сядьте подле меня, — сказала она.

Я повиновался. Она продолжала:

— Прочтите мне какие-нибудь стихи.

Я нашел, что это уж слишком. Я отказался. Она настаивала. Решительно, ей хотелось большей игры, всего оркестра чувств: от Луны до Рифмы. Я наконец уступил и на смех прочел ей прелестное стихотворение Луи Буйле, которое начинается так:

*Терпеть я не могу поэта с томным взором!
Взирая на звезду, о милой мямлит он,
Безжизнен для него весь мир с его простором,
Коль рядом не идет Лизета иль Нинон.*

Он должен, этот бард, украсить блузкой белой
Все живописные, привольные места.
Он хочет, чтобы шаль на дереве висела,
Иначе для него вселенная пуста.

И не внимает он природы дивным сагам,
Хоть их кругом поет так много голосов...
Он в одиночестве не бродит по оврагам,
Смех женский предпочтет он шепоту лесов [1].

Я ожидал упреков. Ни единого. Она прошептала:
— Как это верно!

Я был ошеломлен. Да поняла ли она?

Нашу лодку незаметно принесло к берегу, под иву, которая ее и задержала. Я обнял свою спутницу за талию и осторожно коснулся губами ее шеи. Но она резко, с возмущением оттолкнула меня:

— Перестаньте! Какой вы грубый!

Я попробовал привлечь ее к себе. Она стала отбиваться, схватилась за ветви и чуть было не перевернула лодку. Я счел благоразумным прекратить эти попытки. Она сказала:

— Скорей я сброшу вас в воду! Мне так приятно! Я мечтаю. Это так хорошо!

И добавила не без язвительности:

— Вы, видно, уже забыли стихи, которые только что читали?

Она была права. Я промолчал.

Она продолжала:

— Ну, гребите же!

И я вновь взялся за весла.

Ночь начинала казаться мне длинноватой, а мое положение нелепым. Спутница спросила:

— Дадите мне обещание?

— Дам. Какое?

— Что будете вести себя тихо, прилично и скромно, если я вам

позволю...

– Что? Говорите.

– Вот что. Мне хочется лечь на дно лодки, на спину, рядом с вами, и любоваться звездами.

Я воскликнул:

– Готов с радостью!

Она возразила:

– Вы меня не поняли. Мы ляжем рядом, но я запрещаю вам трогать меня, целовать... ну, словом... ласкать...

Я обещал. Она заявила:

– Если вы хоть шелохнетесь, я опрокину лодку.

И вот мы лежим рядышком, вперив глаза в небо, отдавшись на волю течения. Слабые покачивания лодки баюкали нас. Легкие ночные звуки теперь явственно доходили к нам, на дно лодки, порою заставляя нас вздрагивать. И я чувствовал, как во мне растет странное, захватывающее волнение, безграничное умиление, нечто вроде потребности развести руки для объятия и распахнуть сердце для любви, отдать себя, отдать свои мысли, тело, жизнь, отдать кому-нибудь все свое существо.

Моя спутница прошептала, словно сквозь сон:

– Где мы? Куда мы плывем? Мне кажется, я уношусь от земли. Как приятно! Ах, если бы вы любили меня... чуточку!!!

Сердце мое забилося. Я не мог говорить: мне показалось, что я люблю ее. У меня уже не было грубого желания. Мне хорошо было вот так, рядом с нею, и этого мне было достаточно.

И мы долго-долго лежали, не шевелясь. Мы взялись за руки; восхитительная сила заморозила нас, сила неведомая, высшая, – целомудренное, глубокое, полное слияние наших существ, близких, принадлежащих друг другу без прикосновений! Что это было? Не знаю. Любовь, быть может?

Понемногу занимался день. Было три часа утра. Торжествующий свет медленно заливал все небо. Лодка на что-то натолкнулась. Я вскочил. Мы пристали к островку.

И я замер в восторге. Перед нами вся ширь неба светилась красным, розовым, лиловым и была усеяна пылающими облачками, похожими на клубы золотистого дыма. Река была пурпурной, а три домика на берегу, казалось, горели.

Я склонился к спутнице. Я хотел ей сказать: «Посмотрите». Но я умолк от изумления и не видел уже ничего, кроме нее. Она тоже была розовой, совсем розовой, словно слегка окрасилась цветом небес. Волосы ее были розовые, глаза розовые, зубы розовые, платье, кружева, улыбка – все было розовое. И мне действительно поверилось – так я обезумел, – что предо мною сама заря.

Она тихонько приподнялась, протягивая мне губы, а я приближался к ним, трепеща, теряя сознание, ясно чувствуя, что сейчас поцелую небеса, поцелую счастье, поцелую мечту, ставшую женщиной, поцелую воплотившийся идеал.

Но она сказала:

– У вас в волосах гусеница!

Вот чему она улыбалась!

Меня будто ударили обухом по голове. И мне сразу стало так грустно, словно я навеки утратил всякую надежду.

Вот и все, сударыня. Это ребячество, глупость, нелепость. Но с того дня мне кажется, что я уже никогда не люблю. Впрочем, как знать?..

Молодой человек, на котором нашли это письмо, был вчера извлечен из Сены, между Буживалем и Марли. Услужливый лодочник, обыскавший его с целью установления личности, доставил эту записку.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 8 января 1884 года под псевдонимом Мофриньёз.

Луи Буйле (1822 – 1869) – французский поэт парнасской школы, первый литературный руководитель Мопассана.

Ги де Мопассан. Полное собрание сочинений в 12 тт. Том 10. Библиотека «Огонек», Изд. «Правда», М.: 1958
Перевод Е.Гунст.

[1] Перевод Валентина Дмитриева. Neкаýalar